О. В. БАУЛИН,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета
Воронежского государственного университета,
вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ,
oleg@baulin.vrn.ru

Профессионализация судебного представительства в отечественном цивилистическом процессе: актуальность и целесообразность

Правила об обязательном участии адвоката для осуществления защиты в уголовном судопроизводстве последовательно реализованы в законодательстве. Применительно к досудебному производству обязательное участие адвоката исчерпывающе урегулировано уголовно-процессуальным законодательством, в отношении судебного разбирательства участие субсидиарных защитников хотя и допускается, однако не нашло широкого применения и не приобрело заметного значения.

Иначе выглядит ситуация в цивилистическом процессе.

Попытка реализовать правила об обязательном участии адвокатов была предпринята в ч. 5 ст. 69 АПК РФ, закрепившей, что представителями организаций могут выступать в арбитражном суде их руководители[1], или лица, состоящие в штате указанных организаций, либо адвокаты.

---

[1] Довольно спорная позиция, заключающаяся в смешении статуса органа юридического лица и его представителя, тем не менее постоянно воспроизводится в процессуальном законодательстве.

Однако после непродолжительного периода применения норма части пятой ст. 69 АПК РФ была признана неконституционной постановлением Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П[1].

Тем не менее позиция о необходимости наличия статуса адвоката для участия в процессе в качестве судебного представителя вовсе не утратила смысла и значения[2], поскольку Конституционный Суд РФ в указанном постановлении констатировал, что установление критериев квалифицированной юридической помощи и обусловленных ими особенностей и условий допуска тех или иных лиц в качестве защитников или представителей в конкретных видах судопроизводства является прерогативой законодателя.

Основания неконституционности правила ч. 5 ст. 59 АПК РФ Конституционный Суд РФ усмотрел не в самом положении об участии в процессе адвокатов, а в сфере его применения, указав, что «ограничение права на выбор представителя в арбитражном суде не может быть оправдано вытекающим из статьи 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации правом законодателя установить критерии квалифицированной юридической помощи и обусловленные ими требования к лицам, которые могут выступать в качестве представителей в арбитражном процессе, поскольку данное ограничение связывается лишь с организационно-правовой формой представляемого».

В дальнейшем, с принятием Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3], идея профессионализации судебного представительства получила продолжение, поскольку в качестве таковых наряду с адвокатами в арбитражных судах, а также в судах общей юрисдикции, за исключением мировых судей и районных судов, стали допускаться лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

Таким образом, разделение субъектов системы оказания юридической помощи в судах на адвокатов, профессиональная деятельность ко-

---

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

2 См. напр.: Колоколов Н., Головко Л., Демидов В., Мозжухов А. Нужна ли нам адвокатская монополия? // ЭЖ-Юрист. 2010. № 16. С. 10.

3 СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

торых регламентируется Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[1], закрепляющим формы государственного контроля, и свободно практикующих юристов, действующих вне рамок государственного регулирования, получило законодательное оформление.

Очевидно, что данный этап представляет собой лишь начальную стадию, а не завершение процесса, и развитие системы оказания юридической помощи в судах будет продолжено[2].

На XI Санкт-Петербургском юридическом форуме министр юстиции К. А. Чуйченко анонсировал продолжение курса министерства на профессионализацию судебного представительства. Сама же идея и ее воплощение в законопроекте в юридических кругах получили название «адвокатской монополии».

Отметим, что термин «адвокатская монополия» условен и не соответствует содержанию концепции Министерства юстиции РФ. Адвокатская монополия как обязательность участия адвоката реализована во многих зарубежных странах, но в проектах Министерства юстиции РФ речь идет в первую очередь об установлении правил допуска к судебному представительству и о механизмах последующего контроля, то есть о системе, в определенной степени аналогичной допуску к лицензируемым либо регулируемым видам деятельности, например к образовательной либо управлению транспортными средствами.

Обязательность участия адвокатов при рассмотрении всех без исключения дел либо отдельных категорий на современном этапе развития системы оказания бесплатной юридической помощи очевидно преждевременна и в концепции Минюста России не предлагалась и не рассматривалась.

Монополия предполагает определение конкретных субъектов, единственно уполномоченных на осуществление судебного представительства. В случае с адвокатурой невозможно говорить об исключительном праве на представительство Федеральной палаты адвокатов РФ, региональной адвокатской палаты, отдельных адвокатских коллегий и бюро либо отдельных адвокатов. Существует сложная система субъектов и форм адвокатской деятельности, что позволяет выбрать оптимальный вид организации профессиональной деятельности.

---

1 СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

2 См.: Романов А. А., Хан А. А. В продолжение дискуссии о необходимости профессионального судебного представительства в российском цивилистическом процессе // Российский судья. 2021. № 5. С. 60–64.

Одной из основных причин возвращения Минюста России к вопросам профессионализации является необходимость определения сбалансированных и соответствующих современному этапу развития общества критериев квалифицированной юридической помощи.

Право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи является конституционным, что само по себе предполагает необходимость государственного регулирования группы вопросов, относящихся к ее оказанию.

Особый публичный характер, общественная значимость конституционного права определяют обязательность установления правового режима защиты и реализации в объеме и порядке, которые соответствуют его природе. Фундаментальные права, такие как право на образование, охрану здоровья, право на труд, право наследования, реализуются посредством механизмов, подлежащих обязательному государственному регулированию. Исключением, очевидно, временным, является рассматриваемое право на получение квалифицированной юридической помощи, где элементы регулирования установлены лишь применительно к институту адвокатуры.

Кроме того, отношения в структуре судебного представительства имеют выраженный публичный характер и по целевой направленности выходят за рамки отношений представителя со своим доверителем, поскольку охватывают взаимодействие представителя с судом. В этой связи возможно обсуждать способы регулирования данной публичной деятельности, но не саму необходимость такого регулирования, которая является очевидной.

В настоящее время в Российской Федерации имеется единственная структура, правила организации и деятельности которой соответствуют критериям квалифицированной юридической помощи, – адвокатура, представляющая собой независимое и самоуправляемое профессиональное сообщество, взаимодействующее с уполномоченными органами государства в целях оказания правовой помощи.

В связи с проблемой профессионализации судебного представительства предлагались и обсуждались различные варианты организации системы оказания юридической помощи[1].

---

[1] См.: Алиев Т. Т., Яценко А. О., Белякова В. С. Актуальные вопросы регулирования представительства в гражданском производстве // Современное право. 2020. № 9. С. 51–58.

Думается, «изобретение» для допуска к представительству и последующего контроля новых структур и объединений[1] в рамках идеологий отдельных юридических групп представляет собой очевидное дублирование адвокатуры и, как любое дублирование, может быть лишь сиюминутным, при этом характеризуется направленностью либо на реализацию узкогрупповых и личных интересов, либо на уклонение от публичного контроля.

Существенным отличием института адвокатуры является реализация идеи ограниченного публичного контроля при сохранении самостоятельности корпорации и полной независимости адвокатов при осуществлении профессиональной деятельности.

В целях обеспечения конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи в отношении адвокатуры реализуется система мер государственного контроля. Его спектр в настоящее время заметно расширился. В Закон об адвокатуре в 2024 г. внесен ряд изменений, расширяющих сферу взаимодействия адвокатского сообщества и Минюста России.

Например, Положение о порядке сдачи квалификационного экзамена теперь утверждается приказом Министерства юстиции РФ[2], хотя и разрабатывается по-прежнему Советом ФПА РФ. Процесс сдачи экзамена на получение статуса адвоката имеет, таким образом, публичный характер и не является исключительно внутренним вопросом адвокатской корпорации. Сформирован Единый государственный реестр адвокатов. Представители территориальных органов Минюста России являются членами квалификационных комиссий региональных адвокатских палат. При рассмотрении квалификационными комиссиями дисциплинарных производств реализуется допустимый публичный контроль за профессиональной деятельностью адвокатов.

В состав Комиссии по этике и стандартам ФПА РФ, формирующей единые подходы к применению правил адвокатской профессии, также входят представители Минюста России. У Министерства юстиции РФ есть право направлять представления об отмене решений органов региональных адвокатских палат.

---

[1] См. напр.: Сухов Э. В. Правовое регулирование юридической деятельности // Юрист. 2024. № 5. С. 27–31.

[2] Приказ Минюста России от 9 октября 2024 г. № 297 «Об утверждении Положения о порядке сдачи квалификационного экзамена и оценки знаний лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката» // СПС «КонсультантПлюс».

Все это исключает возможность принятия в рамках адвокатской корпорации решений, противоречащих публичному характеру права на получение юридической помощи.

В сфере же деятельности свободно практикующих юристов по-прежнему в отношении как порядка доступа к представительству, так и последующего контроля наблюдается вакуум, который не может быть оправдан утверждаемым правом на свободный выбор представителя.

Полагаю, сложившийся дуализм в сфере судебного представительства носит временный характер, а необходимость его срочного устранения заслоняется иными приоритетными задачами в сфере государственной политики.

Возможно, альтернативой, пусть и промежуточной, могло бы стать государственное лицензирование деятельности по осуществлению судебного представительства. Однако формат лицензирования, в случае его применения к институту судебного представительства, характеризовался бы избыточным администрированием и отсутствием коллегиальных форм принятия решений.

В целом же имеются основания полагать, что реформа судебного представительства является насущной необходимостью, вопрос заключается лишь в сроках и механизмах ее проведения.